

тически дословно воспроизводится положение о возмещении вреда, причиненного имуществу, в натуре. Законодатель сформулировал это положение в качестве примера иных, нежели возмещение убытков, способов возмещения вреда. Системное толкование норм ч. 4 ст. 22 и ст. 1192 ГК Украины позволяет предположить, что, несмотря на то, что общая норма распространяется на все виды гражданских правоотношений, ее положение о натуральном возмещении вреда носит специальный характер. К такому выводу можно прийти именно исходя из той юридической техники, которую применил законодатель, формулируя данную норму. Если все же предположить, что возмещение вреда в натуре возможно и при нарушении договорных обязательств, то проблемным представляется разграничение этого способа возмещения имущественного вреда и принудительного исполнения обязательства в натуре.

Способ натурального возмещения имущественного вреда рассматривается в научной литературе на уровне констатации возможности его применения. Поскольку данный способ защиты не называется в качестве формы (меры) гражданско-правовой ответственности, возникает вопрос о его правовой природе. Деление способов защиты гражданских прав на те, которые относятся к мерам ответственности, и те, которые таковыми не являются, хотя и подвергаются критике отдельными учеными, однако на сегодняшний день имеет практический интерес, поскольку «категории защиты и ответственности различаются по: основаниям применения, функциям и принципам, положенным в их основу, субъектам, на которых они направлены»¹. В частности, вина правонарушителя для применения мер ответственности, как правило, является обязательным условием, а для иных способов защиты – нет. Поскольку в случае причинения вреда имуществу законодатель предусматривает *альтернативные* способы защиты (натуральное и денежное возмещение), основания, условия, функции, а следовательно, и правовая природа этих способов одинаковы.

Несмотря на то, что в ч. 4 ст. 22 ГК Украины не указаны иные, кроме натурального, способы возмещения вреда, есть основания предположить, что они могут устанавливаться договором или законом. В отличие от универсальности возмещения убытков, иные способы

¹ Цивільний і Господарський кодекси: 2004–2014 рр. [Текст] : монографія / за заг. ред. І. В. Спасибо-Фатсевої. – Х. : Право, 2014. – С. 164.

возмещения вреда имеют специальный характер. Они могут применяться только в тех случаях, когда это возможно, исходя из обстоятельств дела.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования гражданского законодательства Украины в сфере регулирования возмещения имущественного вреда, причиненного личным неимущественным и имущественным благам субъектов. С одной стороны, законодательство должно освободиться от устаревших положений, не отвечающих современным реалиям гражданского оборота, с другой – насыщаться новыми конструктивными нормами, разработанными в том числе и с учетом позитивного опыта законодательства зарубежных стран. Обновление законодательной базы должно осуществляться на основе глубоких научных теоретических исследований, что, в свою очередь, может позитивно отразиться на правоприменительной практике.

§ 5. Возмещение морального вреда

Многоаспектность понятия морального вреда, его видение как в плоскости права, так и морали, культуры, социальной жизни в целом можно свести к основным двум проблемам, к которым, как правило, тяготеют все иные. Это *понятие морального вреда* и его *исчисление*.

В отношении первого особенно важным оказывается выявление того, что составляет сущность морального вреда; его соотношение с материальным вредом; возможность вести речь о моральном вреде юридических лиц; основания и условия взыскания морального вреда; последствия, наступающие за причинение морального вреда. В отношении исчисления морального вреда основным камнем преткновения стали критерии, с помощью которых может быть установлен размер подлежащих к его возмещению средств.

Выяснение *сущности морального вреда* необходимо прежде всего для того, чтобы установить, что это за правовой феномен и какие правовые последствия он вызывает. Ему посвящена ст. 23 ГК Украины, в части второй которой размещены четыре модели ситуаций, которые могут свидетельствовать о наличии морального вреда.

При раскрытии сущности возмещения морального вреда важен ответ на вопрос о том, *самостоятельно или дополнительно требование о возмещении морального вреда?* Как правило, это требование

сопровождает другие требования, например, о возмещении материального вреда, о реституции, о защите чести, достоинства и деловой репутации путем опровержения порочащих сведений и др. Однако в литературе высказывались и категорические утверждения о том, что требование о компенсации морального вреда не может быть непременно «дополнением» к иному требованию¹. Все же требование о возмещении морального вреда, если и встречается само по себе (без привязки к иному требованию), то крайне редко. И это обусловлено самой причиной возникновения подобного требования.

Так, моральный вред может иметь место вследствие нарушения прав лица и заключается, согласно ч. 2 ст. 23 ГК, в душевных страданиях, которые оно претерпело в связи с причинением вреда здоровью (п. 1 ч. 2), имуществу (п. 3 ч. 2), личной сфере человеческих ценностей (п. 4 ч. 2) либо иным противоправным поведением в отношении самого лица, членов его семьи либо близких родственников (п. 2 ч. 2). Понятно, что в первых двух случаях связь с имущественным вредом настолько тесна, что именно он преимущественно определяет и душевные страдания лица. Об этом указывается и в ч. 3 ст. 23 ГК Украины, в которой законодатель устанавливает ориентир: «размер денежного возмещения морального вреда определяется судом в зависимости от характера правонарушения». Собственно, подобным же образом следует рассуждать и в случае унижения чести, достоинства и деловой репутации, которые также являются определителем для наличия или отсутствия морального вреда. Очевидно, что это основание следует рассматривать достаточно широко, ибо согласно ст. 280 ГК Украины, вследствие любого нарушения личного неимущественного права физического лица возможно вести речь о причинении ему морального вреда, который подлежит возмещению.

Отсюда выходит, что при наличии соответствующего правонарушения (личной материальной или нематериальной сферы лица, его жизнедеятельности) лицом ставится вопрос о восстановлении этой нарушенной сферы, что достигается с помощью реализации тех возможностей, которые предоставил лицу закон, а именно: изложенных в ст. 16 ГК Украины, т. е. лицо непременно будет требовать в первую очередь устранения тех нарушений, которые стали следствием правонарушения в отношении него. Если этим правонарушением было

¹ См.: Сиротенко, С. Е. Щодо компенсації моральної шкоди за Сімейним кодексом України [Текст] / С. Е. Сиротенко // Пробл. законності. – 2003. – № 63. – С. 109–112.

причинение вреда здоровью, то понятно, что лицо будет стремиться его восстановить. Каким образом? – путем компенсации затрат на лечение, медобслуживание и пр. Если правонарушение заключалось в повреждении имущества – то оно заинтересовано его восстановить (требовать его отремонтировать, приобрести новое и т. д.). В данных случаях речь идет о возмещении материального вреда.

Если лицо чувствует себя униженным и оскорбленным, задета или подпорчена его деловая репутация, то стремления лица будут направлены на то, чтобы восстановить свое доброе имя. Да это и есть первозадачей при доказывании неправомерности действий причинителя вреда, как правило, неправдивости сведений, которыми и задета честь лица, опорочена его репутация. В связи с этим лицо намерено, доказав обратное, обеспечить информацию об этом как можно шире. Это достигается различными способами опровержения порочащих лицо сведений, которые предусматривают законы «Об информации», «О телевидении и радиовещании» и др.

Думается, что изложенное в п. 2 ч. 2 ст. 23 ГК Украины является наиболее обобщенным способом указания на иные варианты противоправного поведения в отношении лица, помимо названных в пп. 1, 3 и 4 этой же статьи, поскольку в любом случае ответственность наступает при наличии того или иного проявления противоправного поведения.

Сказанное позволяет утверждать, что моральный вред является определяемым понятием, а определяющим будет то негативное последствие противоправного поведения, которое предваряет саму постановку вопроса о моральном вреде. Это, как правило, какие-либо имущественные требования (возмещение имущественного вреда, признание сделки недействительной и пр.), а могут быть и требования совершения определенных действий по восстановлению неимущественной сферы лица (опровержение порочащих сведений).

Из анализа ГК Украины усматривается, что требования о возмещении морального вреда сопровождают, к примеру, следующие первичные требования:

– согласно ч. 3 ст. 39 ГК Украины при установлении в судебном порядке того, что обращение в суд о признании лица недееспособным было заявлено недобросовестно без достаточного для этого основания, физическое лицо, которому такими действиями был причинен моральный вред, имеет право потребовать от заявителя его возмещения. Такое лицо обеспокоено в первую очередь тем, чтобы доказать,

что является не душевнобольным и именно это важно для его неимущественной сферы;

– часть 2 ст. 200 ГК Украины оговаривает право субъекта отношений в сфере информации на устранение нарушений его права и возмещения имущественного и морального вреда, причиненного такими правонарушениями, т. е. информация приводит прежде всего к причинению имущественного вреда: лицо лишается каких-либо благ или вынуждено производить определенные затраты на опровержение этой информации и т. д. А в ч. 2 ст. 276 ГК Украины оговаривается возможность вынесения судом решения о восстановлении нарушенного права, а также возмещения морального вреда, причиненного его нарушением. Отдельно информация и нарушения в ее предоставлении предусмотрены в ст. 700 ГК Украины как основание для покупателя для возмещения морального вреда. Часть 2 ст. 1076 ГК Украины также обыгрывает ракурс информационных нарушений, повлекших за собой возможность требовать от банка возмещения причиненных убытков и морального вреда. Это может иметь место в случае разглашения банком сведений, которые являются банковской тайной;

– часть 2 ст. 216 ГК Украины предусматривает в качестве последствия совершения недействительной сделки причинение убытков и морального вреда, которые подлежат возмещению виновной стороной, что подкреплено дополнительным регулированием ч. 3 ст. 225, ч. 4 ст. 226, ч. 2 ст. 227 ГК Украины и другими его нормами, из которых следует, что в первую очередь следует вести речь о признании сделки недействительной (при оспариваемой сделке) и/или о применении реституции, а потом уже – о моральном вреде, который часто и следует вместе с материальным вредом, подлежащим также взысканию;

– часть 4 ст. 332 ГК Украины, регулирующая последствия переработки вещи и создания новой вещи, если ее стоимость существенно превышает стоимость материала, право собственности на новую вещь приобретает по ее желанию лицо, осуществившее такую переработку. В этом случае лицо, осуществившее переработку, обязано возместить собственнику материала моральный вред.

Иные случаи защиты собственника путем возмещения ему наряду с материальным и морального вреда устанавливают ст. 386, ч. 2 ст. 393 ГК Украины.

В качестве правовых последствий нарушения обязательства в п. 4 ст. 611 ГК Украины предусматривается возмещение морального и материального вреда, указанные вместе (в отличие от, скажем, ст. 16 ГК Украины, где они помещены в разных пунктах).

Случаи возмещения морального вреда, предусмотренные Семейным кодексом: невозможность осуществления женщиной или мужчиной репродуктивной функции (статьи 49, 50), нарушение одним из родителей, проживающих с ребенком, порядка осуществления родительских прав и исполнения обязанностей в отношении другого родителя, проживающего отдельно от ребенка (статьи 157, 158, 159), изменение со стороны какого-либо лица, в том числе родителя, места проживания ребенка против воли того лица, с кем проживал ребенок на законных основаниях (ст. 162).

В других законах также содержатся нормы о возмещении морального вреда.

Возможно ли вести речь о моральном вреде юридических лиц?

Наиболее дискутируемым является вопрос о моральном вреде юридических лиц как попытка доказать отсутствие главнейшего основания для этого – душевных страданий. Действительно, юридическое лицо во всех правовых аспектах, правах и обязанностях приравнивается к физическим лицам, кроме тех, которые по своей природе может иметь лишь физическое лицо (ч. 1 ст. 91 ГК). Поэтому говорить о моральном вреде у лица, не имеющего морали, конечно, бессмысленно. Однако в праве часто встречаются юридические фикции или допущения, а также такие конструкции, которые рассчитаны на определенную модель, но используются для других моделей в качестве исключения (однако без соответствующей оговорки). Вспомним хотя бы общества, понимаемые как объединения лиц, однако, тут же ГК Украины допускает возможность их создания одним лицом (ч. 2 ст. 83). Конечно, следует согласиться, что уместнее было бы говорить о нематериальном вреде юридических лиц, нежели об их моральном вреде, но в силу устоявшейся терминологии в законодательстве сохранилось последнее выражение.

В отношении юридических лиц возмещение морального вреда понимается как средство защиты их деловой репутации. Этот вывод можно сделать, используя метод исключения из перечисленных в ч. 2 ст. 23 ГК Украины проявлений морального вреда, ибо юридическое лицо не испытывает ни физических, ни душевных страданий,

ни унижения чести и достоинства. Деловая репутация же является достаточно емкой правовой категорией, позволяющей включить в себя многочисленные аспекты существования и деятельности юридического лица. Так, юридическое лицо, пребывая в многочисленных правовых связях, печется о своем «реноме», от чего зависит и дальнейшее его участие в правоотношениях. От количества и уровня последних, в свою очередь, зависит само по себе существование юридического лица, ибо в ситуации, когда оно не может подыскать себе контрагентов, никто не покупает его продукцию (не пользуется его услугами и пр.) либо, наоборот, не продает ему товары (не оказывает услуги), оно существовать просто не сможет, да это и бессмысленно.

Следует сказать, что понятие «деловой» репутации, как правило, связано с коммерческой деятельностью юридического лица. Однако не только. Например, если благотворительный фонд имеет неоднозначную репутацию в обществе, то помощь и поддержка с его стороны может негативно охарактеризовать самого потребителя такой помощи, оказать ему «плохую услугу».

Критерии для определения оценки деловой репутации различны, и они сводятся к оценке его деятельности со стороны как непосредственных его контрагентов, партнеров, так и иных лиц, ощущающих на себе результаты его деятельности.

Деловая репутация соотносится как с моральным, так и имущественным вредом. Связь деловой репутации с материальными последствиями для юридического лица очевидна. Снижение первой потенциально несет в себе причинение имущественного вреда, выступает его причиной, предвестником¹, а соответственно, имущественный вред – неизбежный результат «подмоченной» деловой репутации, т. е. они соотносятся как причина и следствие. Также связаны деловая репутация и моральный (имущественный) вред, поскольку последний наносится юридическому лицу вследствие изменения уровня деловой репутации. Изменение общественного мнения вредит юридическому лицу, в первую очередь, в неимущественной сфере – на уровне оценок, разговоров, передачи информации о той или иной ситуации, в которой проявляется юридическое лицо (напри-

¹ См.: Сиротенко, С. Е. До питання про компенсацію моральної (немайнової) шкоди, заподіяної юридичним особам [Текст] / С. Е. Сиротенко // Вісн. Внш. арбітраж. суду України. – 1998. – № 4. – С. 202–204.

мер, не вовремя погашается кредит, несвоевременно производятся расчеты с контрагентами, снизился уровень клиентов, скажем, распространились сведения, что стали меньше обращаться к этому мастеру, являющемуся «лицом фирмы» или страховой компании). А уже эти колебания в тонком пространстве способны привести к более зримым негативным результатам в материальной сфере – путем снижения доходов юридического лица вследствие оттока клиентов и т. д.

Деловая репутация связана и с другими неимущественными правами, в первую очередь, в сфере индивидуализации, например, с правом на наименование, фирменное наименование, на торговую марку, поскольку именно посредством этих внешних атрибутов юридического лица оно воспринимается окружающими. Зрительное восприятие размещения наименований и товарных знаков на различных мероприятиях (спортивных, культурных, научных и др.) способно закрепиться в общественном мнении и воздействовать и на коммерческий статус лица (например, над зверями зоопарка взяли индивидуальное шефство различные компании. Понятно, что мнение о компании, шефствующей над бегемотом или медведем, будет отличаться от мнения о компании, заботящейся о волнистом попугайчике, хотя по коммерческим оборотам она могла бы прокормить и слона).

В связи со сказанным важное значение имеет для деловой репутации компании неправомерное использование ее товарного знака, вследствие чего некачественная продукция под видом продукции известной компании подорвала имидж последней на рынке. Бывает и более тонкое воздействие на деловую репутацию, когда заявленное как уникальное или эксклюзивное изделие копируется и продается массово на рынке (например, если речь идет о моделях известных кутюрье). Также можно проследить и связь деловой репутации и прав интеллектуальной собственности в сфере авторских и смежных прав, патентных прав и пр.

Все эти факты являются основаниями причинения морального вреда.

Основания и условия возмещения морального вреда. Основания возмещения морального вреда соответствуют общим основаниям гражданско-правовой ответственности, к которым относятся: а) наличие такого вреда (именно морального, а не материального, хотя бы

и при наличии последнего); б) противоправность деяния его причинителя; в) наличие причинной связи между вредом и противоправным деянием и г) вина лица, причинившего вред.

О понятии морального вреда и о его связи с материальным, как, впрочем, и об отсутствии таковой, говорилось выше. Что касается противоправности, то здесь заслуживает наибольшего внимания проблема *оценочных суждений*. Так, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод разграничиваются понятия «факты» и «оценочные суждения». Очевидно, тем самым подчеркивается отсутствие противоправности в поведении лица, высказавшего собственную оценку другого лица.

Что такое оценка и оценочное суждение? Это высказывания, которые не содержат фактических данных, например, критика, оценка действий, а также высказывания, в том числе саркастические, содержащие гиперболы, аллегории и т. д. Оценочные суждения не подлежат опровержению и доказыванию их правдивости. Так, в статьях о никчемности и вредности ХК Украины содержатся оценочные суждения, может быть, и несколько обидные для разработчиков этого Кодекса. Однако это мнение автора статей, а не факт. В таких случаях лицо может испытывать душевные страдания от того, что кто-то думает о нем плохо (особенно, если это лицо глубоко ранимо), но поведение его «обидчика» не может считаться противоправным. Конечно, если при этом не перейдена грань и суждения не сводятся к оскорблениям.

Однако следует учитывать и иные ситуации, например, когда оценочное суждение высказано на основании приведенных фактов, которые оказались недостоверными. Например, лицо охарактеризовано как беспринципное и приведено основание для такого утверждения — дача или получение им взятки. Если эти факты не получат доказательств, т. е. при судебном рассмотрении окажутся неправдивыми, то высказанные сведения должны быть опровергнуты¹.

Согласно ст. 42 Закона Украины «О печатных средствах массовой информации (прессе) в Украине» журналисты не несут ответственности за публикацию сведений, которые не соответствуют действительности, нарушают права и законные интересы граждан или представляют собой злоупотребление свободой деятельности средств массовой

¹ См.: Луспенник, Д. Д. Застосування новел ЦК і ЦПК України в судовій практиці [Текст] / Д. Д. Луспенник. – Х. : Харків юрид., 2005. – С. 19.

информации и правами журналиста, если эти сведения получены от информационных агентств, являются дословным воспроизведением публичных выступлений либо сообщений субъектов властных полномочий и т. п. Таким образом, имеет место противоправное поведение, но не указанных средств массовой информации, а иных лиц, действия которых и являются первоисточниками причинения вреда. Именно они и должны выступать ответчиками по искам о причинении морального вреда, а средства массовой информации должны, в свою очередь, адекватно отреагировать на нарушение и на восстановление нарушенных прав, поместив соответствующую информацию об инциденте.

Наконец, что касается вины, то в определенных случаях наступает ответственность за причинение морального вреда и при ее отсутствии. Так, независимо от вины должностных лиц органов государственной власти или органов местного самоуправления, а также органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда подлежит взысканию причиненный ими моральный вред (статьи 1174, 1176 ГК).

Вопросы оснований ответственности непосредственно связаны с установлением надлежащего ответчика по подобным спорам. В частности, если моральный вред причинен размещением информации в сети Интернет, то кто будет отвечать? Поскольку доступ к сети обеспечивает провайдер, то можно ли его привлекать к ответственности? Очевидно, нет, ибо провайдеры не могут контролировать весь поток информации и выполняют вполне конкретную функцию, к которой не относится «отсеивание» информации. Противоположным образом предлагается решать этот вопрос применительно к провайдерам хостовых услуг¹, которые оказываются непосредственным источником информации, причинившей вред².

¹ Под провайдерами хостовых услуг понимаются производители или собственники информации, оформленной надлежащим образом, если эта информация размещена в их компьютере, в доступном сетевом режиме для пользователей этой сетию.

² По этому вопросу см.: Домбровский, І. П. Розгляд судами справ за позовами до засобів масової інформації про захист честі, гідності і ділової репутації та компенсацію моральної шкоди [Текст] / І. П. Домбровський // Вісн. Верхов. Суду України. – 1998. – № 2. По иным вопросам субъектов ответственности см.: Луспенник, Д. Д. Застосування новел ЦК і ЦПК України в судовій практиці [Текст] / Д. Д. Луспенник. – Х. : Харків юрид., 2005. – С. 19.

Исковая давность. Следует обратить внимание, что согласно п. 1 ч. 1 ст. 268 ГК Украины исковая давность не распространяется на требование, вытекающее из нарушения личных неимущественных прав, кроме случаев, установленных законом. К этим случаям, например, относится требование об опровержении недостоверной информации, помещенное в средствах массовой информации, для которых предусмотрен срок исковой давности в один год (ст. 258 ГК), а также морального вреда, причиненного работнику, который может обратиться за его возмещением в трехмесячный срок исковой давности (ст. 233 КЗоТ). Иных исключений закон не содержит. Поэтому если, помимо требования об опровержении неправдивых сведений, лицо выдвигает и иное – о возмещении морального вреда, то на последнее исковая давность не распространяется.

Способы возмещения морального вреда. В качестве таковых в ч. 3 ст. 23 ГК Украины названо возмещение деньгами, другим имуществом или иным способом. В первую очередь, конечно, повсеместно ставится вопрос о *денежном возмещении* морального вреда. Здесь также мы имеем дело с определенной фикцией, поскольку моральный вред как неимущественную категорию в буквальном смысле, безусловно, деньгами возместить нельзя. Вряд ли можно утверждать, что деньги могли бы успокоить душевные страдания, за исключением, конечно, патологических случаев, когда нравственный уровень человека позволяет ему утешиться деньгами, забыв о причине страданий. По общепринятым канонам это невозможно. Однако возможно иное, что способны сделать деньги. Это – обеспечить устранение тех причин, которые послужили основаниями причинения морального вреда, и их последствий. Так, если были распространены порочащие лицо сведения, то с помощью денег возможно провести кампанию по воссозданию имиджа, повышения рейтинга лица с помощью различных мероприятий.

При этом возникает вопрос о том, подлежит ли оценке сам моральный вред, либо такие категории, как деловая репутация, честь, достоинство, или все же следует вести речь только о стоимости тех мероприятий, которые необходимы лицу для возмещения морального вреда, т. е. требующие компенсационных действий. Конечно, все это связано и в обиходе практически неразделимо, что позволило утверждать об определенной имущественной стоимости деловой

репутации¹, в которую предлагается включить: а) стоимость затрат на создание имиджа компании, в состав которых могут входить расходы по проведению рекламы, организации выставок, презентаций, спонсирование и пр.; б) денежную оценку «нематериального» капитала (гудвил) – деловых связей, престижа торговой марки, уровня корпоративного управления, устоявшейся клиентуры и др.; в) стоимость будущих неполученных доходов.

В таком «комплекте» как раз и можно составить себе представление о том, как приблизительно достигалось то, что именуется деловой репутацией. Это действительно наглядно демонстрирует сложность и затратность формирования положения компании в обществе и на рынке. Первая их составляющая – не что иное, как обычные затраты материального характера, произведенные компанией в процессе своей деятельности; вторая – оценка невещественных категорий, которые, однако, важны для компании; третья – неполученные доходы. Таким образом, первая и третья – это состав убытков, а вторая – нематериальные активы.

Можно сказать и иначе: первое – это то, что было; второе – то, что есть; третье – то, что будет. Причем первое и третье – это сугубо материальные показатели, а второе – напротив, но, тем не менее, имеющее материальную оценку. Ее, кстати, можно продемонстрировать достаточно просто. Например, компания по тем или иным причинам собирается сворачивать свою деятельность на рынке, для чего распродала свои материальные активы и в результате никакого имущества у нее не осталось. Однако кто-то заинтересован «приобрести эту компанию»² и готов за это заплатить деньги. Возникает вопрос: что покупается, если имущество как таковое отсутствует не только в смысле совокупности вещей, но и имущественных прав и обязанностей? Ответ один: для покупателя важна деловая репутация этой компании на рынке и именно из-за нее он не создает новое юридическое лицо, а хочет продолжить деятельность уже существующего.

Несмотря на такую тесную взаимосвязь неимущественных прав юридического лица с их имущественной оценкой, все же вряд ли можно утверждать об этом как о данности. Тем более, если не забы-

¹ Сиротенко, С. Є. Деякі особливості застосування норм про компенсацію моральної (немайнової) шкоди стосовно суб'єктів господарювання [Текст] / С. Є. Сиротенко // Вісн. Акад. прав. наук України. – 1999. – № 1. – С. 210–217.

² Понятно, что хотя этим выражением часто оперируют в быту, оно условно, т. к. компания не объект, а субъект права.

вать, что честь, достоинство и деловая репутация являются однопорядковыми правовыми явлениями. Если допустить, что деловая репутация имеет имущественную оценку, то такую могут иметь и честь, и достоинство. Если деловая репутация возникает не на ровном месте, а вследствие приложения сил по ее наработке, то и не должны исключаться такие рассуждения в отношении *чести* как социально значимой положительной оценки лица со стороны общественного мнения, поскольку для его формирования требуется приложение усилий со стороны лица, которые подразумевают и материальные затраты (например, на образование). Да и в отношении достоинства это не исключено. Понимаемое как самооценка лицом своих моральных, профессиональных и иных качеств, *достоинство* также может быть увязано с материальными аспектами (например, в отношении этих профессиональных навыков).

Что касается нарушения деловой репутации, вследствие чего лицу причинен моральный вред, взыскиваемый в денежном выражении, то тем самым неимущественная категория оценивается в имущественном (денежном) эквиваленте. Однако это не так, ибо суммы, взыскиваемые в подобных случаях, призваны обеспечить компенсацию того утерянного или нарушенного блага, которое является ключевым фактором, когда мы говорим о моральном вреде.

Поскольку моральные категории находятся в более тонком пространстве по сравнению с грубыми материальными, то для них неприемлема имущественная оценка. Если имущество может быть восстановлено (отремонтировано, вместо одних приобретены иные подобные или такие же вещи), то когда речь идет о моральном вреде, то и компенсация его лежит прежде всего в духовной сфере. Так, требуются определенные усилия, чтобы переубедить общественность в порядочности лица, которая была подвергнута сомнению, т. е. лицу, в конечном счете, важно, чтобы о нем продолжали думать хорошо и чтобы реанимировалось то мнение о нем, которое было ранее, до нарушения его репутации. Однако достичь этого с помощью лишь разговоров и доводов, да еще и исходящих от самого лица, беспокоящегося о своей репутации, вряд ли удастся. Для этого требуются массивные усилия, которые стоят денег, поскольку они связаны с затратами, например, проведением каких-либо публичных акций типа рекламной кампании, серий публикаций и пр.

Возможно и удовлетворение нарушенных неимущественных прав лица *путем передачи ему какого-либо имущества*. Этот способ, очевидно, уместен в том случае, если моральный вред был причинен уничтожением имущества лица, а также при повреждении здоровья, если потерпевшему будет предоставлено имущество, хоть как-то сглаживающее его страдания (например, автомобиль либо инвалидная коляска в случае ампутации ног). Такой способ компенсации, будучи материальным, выполняет, однако, иную функцию – вернуть человеку возможность общения, привычной среды и пр.

Наконец, что понимать под другим способом, который законодатель допускает, говоря о возмещении морального вреда не в денежной форме и не путем передачи иного имущества? Это может быть совершение определенных действий со стороны ответчика по восстановлению чести, достоинства и деловой репутации и даже само по себе *судебное признание незаконности действий лица*, которое содержится в решении суда.

Такой способ возмещения морального вреда, как *совершение определенных действий*, наиболее уместен в случаях распространения неправдивых сведений в средствах (или средствами) массовой информации, которые могут обязываться не просто дать их опровержение в печатном ли виде или в эфирном пространстве, но и поместить более развернутую информацию об имевшем место конфликте с тем, чтобы читатели (слушатели, зрители) составили себе полное представление о случившемся и изменили свое отношение к этому. Следует отметить, что подобные действия должны выполняться не нарочито вынужденно, а добросовестно. Так, в случае, когда газета разместила опровержение «вверх ногами», то сомнений нет в том, что несмотря на решение суда, она не согласилась с мнением о неправдивости сведений и продемонстрировала это таким образом. Конечно, вряд ли у читателя после такого «опровержения» сложится однозначная убежденность в правильности позиции обиженной стороны, защищенной решением суда.

Несмотря на денежную компенсацию, выплачиваемую в возмещение морального вреда, либо на затраты по публикациям и иным публичным мероприятиям, к которым может быть по суду обязан причинитель вреда, такой вред и то, что называется в ст. 22 ГК Украины убытками, существенно различаются. Даже денежный эквивалент, который понимается как средство компенсации морального

вреда, не есть выразителем последнего, а используется лишь для достижения цели восстановления неимущественных благ.

Кроме того, материальный вред всегда конкретен, хотя и обычно трудно доказуем, особенно, что касается неполученных доходов. Напротив, моральный вред, не имея имущественного выражения, при его компенсации подлежит возмещению в деньгах как весьма и весьма оценочная категория. И в этом заключается один из главных его парадоксов. С одной стороны, он не может быть точно и однозначно определен, а с другой – в решении суда как раз и должен содержаться точный размер денежной компенсации.

Порядок исчисления морального вреда. Это, пожалуй, наиболее спорный и насущный вопрос. И связано это как раз с нематериальной природой морального вреда, хотя его связь с материальным аспектом при причинении вреда существует, ибо моральный вред часто сопутствует материальному и его компенсация исчисляется в материальном выражении. Тем не менее, сам моральный вред неизмерим в деньгах, а они могут служить лишь мерилем устранения негативных последствий для лица, которому он причинен¹. Если считать этот подход основополагающим, то оценочность категории «возмещение морального вреда» становится не такой уж расплывчатой.

Вместе с тем попытки установить более жесткие критерии для исчисления морального вреда, чем те, которые содержатся в ч. 3 ст. 23 ГК Украины, вряд ли можно считать успешными, хотя судьи желали бы иметь четкие и однозначные требования для производства расчетов. Возможно, поэтому появилась методика, разработанная российским ученым А. М. Эрделевским². Задавались этими вопросами и украинские ученые³, однако вынуждены были признать, что все же универсальная формула для этого невозможна.

Поэтому судам ничего не остается, как использовать незабываемые критерии, к которым ГК Украины отнес: а) характер правонарушения; б) глубину физических и душевных страданий; в) ухудшение способ-

¹ См. по этому вопросу: Сиротенко, С. Є. Деякі теоретико-практичні питання визначення розміру відшкодування моральної (немайнової) шкоди [Текст] / С. Є. Сиротенко // Вісн. Верхов. Суду України. – 2002. – № 6 (34). – С. 41–44.

² См.: Эрделевский, А. М. Критерии и метод оценки размера компенсации морального вреда [Текст] / А. М. Эрделевский // Государство и право. – 1997. – № 4. – С. 5–12.

³ См.: Чернадчук, В. До питання про методику визначення розміру відшкодування моральної шкоди, заподіяної працівникові [Текст] / В. Чернадчук // Підприємцтво, господарство і право. – 2000. – № 5. – С. 45–47.

ностей потерпевшего или лишение его возможности их использовать; г) степень вины лица, причинившего моральный вред (при учете вины как основания ответственности); д) иные обстоятельства, имеющие существенное значение; е) разумность и справедливость как наиболее принципиальные начала исчисления морального вреда.

Эти критерии суд должен использовать, оценив и взвесив все доводы, рассмотрев всеаспектно сложившуюся ситуацию и подойдя к установлению сумм возмещения морального вреда сугубо индивидуально. Так, понятно, что сопоставление «а» и «б» в каждом случае может привести к разным суммам, взыскиваемым в возмещение морального вреда. Если украдено и повреждено имущество обычного бытового назначения – это одно, а если это уникальный музыкальный инструмент – совершенно иное. Представляется возможным даже учесть степень личных вложений лица в приобретение имущества для представления о его страданиях от потери: если это имущество, скажем, было предоставлено родителями, обеспечившими своему ребенку безбедное существование, то и его сокрушения по его утрате будут несравними с теми, которые испытывает лицо, заработавшее и купившее пусть даже менее ценное имущество с большим трудом¹.

Подобным же образом индивидуально и скрупулезно необходимо исследовать и другие основания, не терпящие никаких обобщений.

Учитывая открытость перечня таких оснований, возникает вопрос о том, возможно ли усматривать зависимость размера денежных средств, взыскиваемых в возмещение морального вреда, от социального положения лица? Если буквально понимать ситуацию, то, конечно, выглядит слишком цинично, что страдания депутата или мэра оцениваются судом выше, нежели страдания столяра или маляра. Однако в подобных делах недопустима примитивизация подобного рода, ибо мы оцениваем не страдания, а учитываем их наряду с другими критериями для определения размера взысканий. А эти размеры, конечно, будут различаться в первом и во втором случаях, так как для восстановления нарушенного права и тех и других требуются разные усилия, которым соответствуют разные затраты.

¹ Вспомним притчу о заработанном рубле, когда отец приказал сыну заработать рубль и принести ему, а мать, пожалев сына, дала ему этот рубль. Когда отец бросил деньги в огонь, сына это не особенно затронуло, а когда он сам заработал рубль, а отец его пытался деньги сжечь, сын бросился в огонь, чтобы спасти заработанный рубль. Это не только нравоучительный, но и достаточно показательный пример оценки морального состояния лица, его страданий.

Еще один аспект. Возможно, выдвигается слишком большая сумма в возмещение морального вреда (по меркам общественного мнения), однако с указанием, что все взысканное по суду направляется на благотворительные цели, например, перечисляется детскому дому. Бывает, напротив, истцом истребуется мизерно малая сумма, например, одна гривня, т. е. моральный вред оценивается исключительно номинально. Истец получает удовлетворение от самого факта вынесения решения суда в его пользу, а в первом случае также и от своих «благотворительных» действий. Однако это видится квазиблаготворительностью, так как лицо, действуя подобным образом, преследует цель, в первую очередь, популяризации себя, а не облагодетельствовать кого-то. Возможно, что им демонстрируется подобным образом и наказание, которое он тем самым «возлагает» на нарушителя, который должен понести негативные последствия. Но истец, отказываясь от денег, при этом показывает, что он не нуждается в том, чтобы эти последствия были в отношении его лично. В подобных случаях, очевидно, речь не идет о денежном удовлетворении возмещения морального вреда, так как последнее именно и характерно тем, что лицу компенсируются страдания с помощью денежных средств, которые направляются на те или иные мероприятия для этого.

При этом можно и нужно отметить, что не только суд требует обоснования истцом заявленной суммы иска, но такое обоснование необходимо и самому суду при удовлетворении требований о взыскании денежных средств либо снижении запрашиваемой суммы. Исходя из того, что эта сумма не может быть точной, а является весьма приблизительной, то и расчет ее будет несколько условным. Однако, как правило, в исковых заявлениях он так или иначе обосновывается, а в решениях суда обоснования снижения (причем весьма существенного, на несколько порядков от заявленной суммы) не содержится.

Так, примером обоснования суммы иска о взыскании морального вреда может служить дело по иску гр-на Халепо, акционера АО «Житомироблгаз» к этому АО¹. Истец разделил моральный ущерб на два элемента: социально-моральный и индивидуально-психологический. Сущность первого, по его мнению, состоит в занижении его собственной самооценки, а второго – в угнетении его психического состояния. Истец мотивировал свои душевные страдания и их степень весьма «глубоко», указав, что нарушено даже его право на невмешательство

¹ Зеркало недели. – 2003. – 11 окт. (№ 39).

в семейную жизнь, потому что он стал часто нервничать, в семье начались ссоры, ухудшились отношения с женой. И вся эта трагедия с ним случилась из-за ненадлежащего его информирования о повестке дня собрания акционеров АО «Житомироблгаз», вследствие чего было нарушено его право на участие в управлении делами АО, а право это соизмеримо с его пакетом акций, которых он имеет ... 0,002% стоимостью 4,5 грн!

Бывают и иные не менее экзотичные случаи обоснования морального вреда, имевшие, например, место при обращении Управления госказначейства в Луганской области в хозяйственный суд с иском к компании «Х» о возмещении морального вреда, который усматривался истцом в снижении авторитета Управления. Авторитет же Управления, по мнению заявителя, зависит от количества исков, поданных к нему ответчиком. В исковом заявлении указывается, что «постоянное привлечение в качестве ответчика (виновника)... нанесло огромный вред деловой репутации нашего учреждения, особенно «в глазах» Государственного казначейства Украины» и информация о судебных тяжбах, в которые вовлекается Управление, «повлекла более холодные и настороженные взаимоотношения» со стороны Госказначейства, Минфина и широкого круга лиц... В результате степень доверия к управлению Государственного казначейства в Луганской области как к органу Государственной исполнительной власти значительно подорвана и уменьшилась».

Совсем иное дело, безусловно, трагическая ситуация с гибелью молодой девушки в новогоднюю ночь, мать которой, заявляя требование о взыскании морального вреда в сумме 20 000 грн, обосновывала ее размер тем, что смерть дочери является непоправимой утратой, и каждая новогодняя ночь для нее стала поминальной. С данными доводами согласились суды всех инстанций.

Однако, как правило, суды либо вообще не утруждают себя обоснованиями, либо ограничиваются общими фразами, удовлетворяя или снижая размер исковых требований. Так, по делу о взыскании материального и морального вреда, причиненного дорожно-транспортным происшествием гр-ну Х., удовлетворяя требования истца в полном размере (в 35 000 грн им оценен моральный вред), Комсомольский городской суд Полтавской области указал, что при этом учтены тяжесть причиненной травмы, необратимость последствий, которые наступили, характер и продолжительность страданий, а так-

же существенность вынужденных изменений в жизненных отношениях истца. И это уже можно считать развернутым доводом, ибо часто суд просто снижает размер заявленных требований без пояснений, из чего он исходил, взыскивая именно эту сумму и почему отклонил заявленную.

Иногда показательно то, насколько различны суммы, истребуемые истцами в возмещение морального вреда и то, насколько им соответствуют основания для его взыскания. Так, были предъявлены требования матерью погибшего ребенка в сумме одного миллиона, а отцом ребенка, оставившего семью сразу после его рождения и не поддерживающим с ним отношений, – уже десять миллионов гривен. Как говорится, без комментариев.

В завершение можно отметить, что споры о возмещении морального вреда являются, безусловно, сложными, однако судьи при их разрешении должны вникать в такие тонкости, как состояние души человека, оценивая его страдания индивидуально и определяя размер возмещения морального вреда из тщательного сопоставления всевозможных юридическо-психических факторов.

§ 6. Петиторный иск (о признании права)

Одно из значений слова «*признание*» характеризует его как состояние того, кто или что признан достойным положительной оценки, общественного уважения¹, определенного значения, в том числе юридического. Очевидно, в этом смысле признание используется уже как элемент понятийного аппарата юриспруденции, хотя в праве, как и в лингвистике, признание и его значение имеет целый ряд оттенков.

Роль признания в праве чрезвычайно многогранна – от признания подсудимого как обстоятельства, уменьшающего вину и наказание², до международно-правового признания, которое рассматривается в качестве одностороннего акта суверенного государства. В гражданском праве речь идет преимущественно о *признании права* как способе защиты.

¹ Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000.

² Энциклопедический словарь: современная версия [Текст] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М. : Эксмо, 2002. – С. 465 (на базе Малого Энциклопедического Словаря Брокгауза – Ефрона (1907 г.).

Значение признания права в системе способов защиты существенно, по крайней мере, по трем обстоятельствам. Во-первых, данный способ универсален и может быть применен практически ко всем видам гражданских правоотношений. Во-вторых, реализация признания права устраняет неопределенность в указанных отношениях, в чем проявляется уникальность признания права. Кроме того, как справедливо указал С. С. Алексеев, субъективное право и выражающие его юридические структуры призваны стать доминирующими, главенствующими в праве, те, вокруг которых сосредотачиваются сцепления и частицы правовой материи¹. Поэтому именно признание права следует считать элементом этой юридической структуры, выражающей (признающей, устанавливающей или констатирующей) субъективное право.

В позитивном праве система способов защиты традиционно начинается именно с признания права, что указывает на его главенствующее положение. Следует упомянуть о соответствующих законодательных нормах (п. 1 ч. 2 ст. 16 ГК Украины, абз. 1 ч. 1 ст. 12 ГК РФ, ч. 3 ст. 152 ЗК Украины, абз. 1 ч. 2 ст. 20 ХК Украины, п. 1 абз. 2 ч. 2 ст. 18 Семейного кодекса Украины), хотя в них содержится определенная терминологическая неточность. Так, если в ГК Украины (по странному стечению обстоятельств и в ЗК Украины) речь идет именно о признании права, то ХК Украины предполагает признание наличия или отсутствия прав (иными словами в сфере хозяйствования речь идет не о признании самого субъективного права, а лишь о признании его *наличия* или *отсутствия*, что весьма существенно), а СК Украины в качестве способа защиты упоминает об установлении правоотношения.

Такой подход ни в коей мере не указывает на специфику защиты в семейных или хозяйственных отношениях, а лишь вносит сложности в выбор способа защиты и его применение юрисдикционными органами. Ведь если соотносить п. 1 ч. 2 ст. 16 ГК Украины и абз. 1 ч. 2 ст. 20 ХК Украины как общую и специальную нормы, то выходит, что в сфере хозяйствования признание права невозможно, а следует говорить лишь о признании *наличия* или *отсутствия* права. И наоборот, для субъектов, на которых ХК Украины не распространяется,

¹ Алексеев, С. С. Право – предназначение [Текст] / С. С. Алексеев // Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике : сб. ст., посвящ. 70-летию С. А. Хохлова / Исслед. центр частн. права; ин-т частн. права ; отв. ред. С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2011. – С. 5–74.